

Это сделало его еще менее уверенным в семье Лу. Когда его звали пить чай с Первой Мадам, он всегда садился в углу, надеясь, что его никто не заметит.

Но как новичок и законно обвенчанная невестка, он не мог избежать внимания. Не только обе мадам, даже любые родственники, приезжавшие к ним в гости, хотели его видеть.

– Где Мэнлю?

Сегодня его позвала Первая Госпожа. Юй Сяомань потребовалось мгновение, чтобы понять, что теперь он использует имя Юй Мэнлю, и быстро встал:

– Я здесь.

Сегодняшние гости были родственниками из семьи первой госпожи Фэн Маньин, которые привели с собой молодую девушку, едва достигшую совершеннолетия, предположительно предназначенную для Лу Юэ.

Фэн Маньин, теперь глава задней резиденции семьи Лу, относилась к своим родственникам с безразличием, лениво откинувшись на своем официальном стуле.

Она кратко представила свою новую невестку:

– Только что вышла замуж, из семьи Юй.

Женщина, пришедшая в гости с пучком в виде хвоста феникса, не зная о ситуации, с нетерпением представила молодую девушку Юй Сяомань:

– Назови ее невесткой, скоро вы, возможно, станете ее семьей.

По традиции, при первой встрече с младшими родственниками старейшины дарят им небольшие подарки, обычно это ювелирные украшения или деньги. Однако Юй Сяомань, принеший мало приданого и не любивший украшений, оказался всего с горсткой ракушек. Эти ракушки были валютой русалок, чем Юй Сяомань дорожил. После мысленной борьбы он неохотно раскрыл ладонь, сказав:

– Выбери несколько, которые тебе нравятся.

Если бы он знал, что предложение его самой дорогой вещи вызовет нагоняй, он бы притворился невежественным, заявив, что пришел в спешке и ничего не принес.

Проводив гостей, Фэн Маньин попросила Юй Сяомань остаться, пока она отдыхала.

Юй Сяомань простоял в зале больше часа, прежде чем Фэн Маньин, то ли раздраженная пробуждением, то ли по какой-то другой причине, начала его критиковать:

– Почему ты все еще стоишь там?

Стоя с больной спиной, Юй Сяомань ответил:

– Разве вы не просили меня остаться?

Ожидая этого ответа, служанка Шэнь Момо тут же выругалась:

– Как ты смеешь перечить Первой Госпоже!

Фэн Маньин презрительно усмехнулась:

– Достаточно плохо, что у тебя нет ничего приличного, но ты даже не можешь научиться хорошим манерам. Действительно, человек из скромного происхождения никчемный.

Понимая, что оскорбление Первой госпожи осложнит жизнь Лу Цзи, Юй Сяомань терпел критику, пропуская ее мимо ушей.

Однако если Лу Цзи оскорбляли, он этого терпеть не мог.

– Я думала, раз уж ты из деревни, то будешь такой тихой.

Фэн Маньин отпила чаю и медленно произнесла:

– Но теперь я вижу, что ты довольно симпатична, по крайней мере, подходяще для местного богача. Жаль, что ты застряла с Ци Чжи, у которого холодный и эксцентричный характер, что усложняет тебе жизнь.

Ци Чжи было любезным именем Лу Цзи, которое Юй Сяомань узнал сегодня. Но сейчас его внимание было приковано к термину «холодный и эксцентричный», что его злило.

– Я слышала, что он в последнее время спит в кабинете, а не посещает твою комнату?

Фэн Маньин рассмеялась:

– Да, ему бесполезно ходить в твою комнату. Я забыла, что у него инвалидные ноги, в отличие от обычных мужчин.

Юй Сяомань глубоко вздохнул и сказал:

– Молодой господин прекрасен. Он более величественен и могущественен, чем любой обычный человек.

Он имел в виду доблесть Лу Цзи на поле боя, но Фэн Маньин, казалось, не поняла его и недоверчиво на него посмотрела.

Через некоторое время Фэн Маньин отпила еще глоток чая, словно пытаясь загладить свою вину, и сказала:

– Поскольку вы двое все еще хорошо ладите, Ци Чжи собирается сегодня вечером на банкет во дворец, почему он не взял тебя с собой?

Юй Сяомань не слышал об этом и размышлял, как отреагировать, когда у двери раздался шум.

Дуань Хэн подтолкнул Лу Цзи, сидевшего в инвалидном кресле, к порогу, но тот не проявил никакого намерения войти.

– Мама, должно быть, уже достаточно наругалась.

Лицо Лу Цзи оставалось спокойным и бесстрастным, голос лишен был всякой сентиментальности.

– Корета уже некоторое время ждет снаружи. Можешь вернуть мне Мэнлю?

Посидев в карете, Юй Сяомань не мог не заметить, что пространство внутри не кажется подходящим для двух человек. Объединив это с подмигиванием Юй Тао перед тем, как они ушли, Юй Сяомань внезапно понял.

– Извините, Юй Тао всегда действует сама по себе.

Юй Сяомань отсел в угол, боясь сжать Лу Цзи, и сказал:

– Или вы можете остаться здесь, а я пойду обратно одна.

Лу Цзи ответил:

– Все в порядке. Император пригласил нас обоих.

После минутного раздумья он добавил:

– Это мне следует извиниться.

Юй Сяомань не мог вынести этих слов и быстро сказал:

– Это моя вина. Я не должна была бросать вызов свекрови, и не должна была дарить такую безвкусную вещь, как ракушки... в качестве подарка.

Лу Цзи слышал о ракушках от Юнь Ло. Увидев опущенное лицо Юй Сяоманя, Лу Цзи пошевелил губами, словно собираясь что-то сказать, но затем проглотил слова и сказал что-то другое:

– Твои волосы распущены.

Юй Сяомань редко вступал в разговор с Лу Цзи. Что бы Лу Цзи ни говорил, Юй Сяомань реагировал так, словно получал императорский указ. Оглядевшись некоторое время, не помня, куда он положил ленту для волос, Юй Сяомань услышал, как Лу Цзи сказал:

– Повернись.

Выполнив команду, Юй Сяомань послушно повернулся. Когда его растрепанные волосы были подняты одной рукой, а водная трава, привязанная к его запястью, была снята другой, он внезапно вспомнил, что разобрал водную траву, изначально предназначенную для использования в качестве «оружия», чтобы преподать урок Фэн Маньин в главном зале.

Лу Цзи действительно это заметил.

Возможно, он уже понял это во время инцидента, когда сбил с ног Лу Юэ.

– Тебе не нужно спасать мое лицо перед другими, – прошептал Лу Цзи сзади, – и тебе не нужно заступаться за меня.

Все еще потрясенный, Юй Сяомань пробормотал:

– Почему?

После долгой паузы Лу Цзи ответил:

– Оно того не стоит.

Юй Сяомань на мгновение замер, замешательство в его глазах сменилось ясностью.

Итак, равнодушие Лу Цзи было просто излишним. Он давно отделил себя от окружающих и не заботился о том, как они к нему относятся.

Но даже привыкнув к равнодушию, Юй Сяомань все равно находил в словах и действиях Лу Цзи ту же искренность и прямоту, что и прежде.

Например, Лу Цзи намеренно избегал зрительного контакта, когда они вошли в комнату, осторожные движения его рук, которые ни разу не коснулись Юй Сяоманя, и мягкий жест, которым он завязывал волосы... все это было сделано для того, чтобы не показаться навязчивым.

Потому что женитьба на инвалиде, который не мог ходить, принесла ему огромное горе.

Потому что в день их свадьбы он обещал дать ему свободу.

Сердце Юй Сяоманя потеплело, а глаза стали горячими.

Он что-то пробормотал, но Лу Цзи не расслышал.

Как раз в тот момент, когда он собирался спросить, Юй Сяомань внезапно повернул голову, посмотрел прямо в глаза Лу Цзи и твердо сказал:

– Ты этого стоишь.

На мгновение Лу Цзи не понял, а Юй Сяомань воодушевленно продолжил:

– Не волнуйся, я буду работать усерднее. Я помогу тебе поправиться как можно скорее и верну тебе славу!

<http://bllate.org/book/12967/1139154>